— Цзинжун, ты что, перепутал? Как служанки могли перелететь через озеро? Это мои теневые стражи всё расставили, — Мин Янь не стал скрывать правду и прямо ответил на вопрос Е Цзинжуна.

Разве это он забыл? Это князь забыл, что теневые стражи предназначены для охраны его жизни, а не для таких мелочей.

— Ваше Высочество, теневые стражи не для этого, при дворе есть правила…

Но Е Цзинжун не успел закончить наставление, как Мин Янь махнул рукой, прервав его на полуслове.

— Да-да, Цзинжун прав, я виноват. Больше не буду так безрассудно, хорошо?

В глазах Мин Яня светилась улыбка, он выглядел смиренным и искренне раскаивающимся, но тон был легкомысленным — видно было, что слова в одно ухо влетели, а из другого вылетели.

Услышав это, Е Цзинжун тихо вздохнул и, отвернувшись, медленно поднял руку, чтобы положить еду Мин Яню.

Князь не отпускал его, поэтому взять палочки было невозможно. И хотя лицо Е Цзинжуна слегка порозовело, он мог только исполнять свой долг и лично кормить Мин Яня.

Еда, которую супруг подносил ко рту, казалась Мин Яню намного вкуснее. Почему он раньше не думал о таком способе принятия пищи? Сколько удовольствия он упустил зря!

— Ммм, этот пирог с мунг-бобом неплох, Цзинжун, попробуй, — Мин Янь прищурился и поднес ко рту Е Цзинжуна половину пирога.

Увидев это, Е Цзинжун на мгновение замер, затем смущенно отвел взгляд и потянулся палочками за кусочком. Но его рука не успела дотянуться, как Мин Янь схватил её.

— Зачем искать далеко? Ты что, меня брезгуешь? — Мин Янь прищурился, голос его стал холодным, и было непонятно, что у него на уме.

Он явно принуждал его, но тон звучал так, будто это было в порядке вещей.

Е Цзинжун замер, понимая, что если он сейчас кивнет, человек рядом, скорее всего, взорвется.

Но делать такое на глазах у снующих туда-сюда служанок было для него слишком стыдно, и он напрягся весь от смущения.

— Ваше Высочество…

— Хм? Не хочешь? Значит, Цзинжун действительно меня брезгует!

Голос Мин Яня стал еще холоднее, руки крепче сжали Е Цзинжуна, и казалось, что он уже на грани самоконтроля. Еще одно неверное движение — и он потеряет контроль.

Долгие годы войны, руки в крови, характер неизбежно стал жестоким. Терпения у Мин Яня действительно было мало, но с Е Цзинжуном он старался сдерживаться, хотя его нрав всё равно был на три головы хуже, чем у обычных людей.

Услышав это, Е Цзинжун растерялся. Его глаза мельком скользнули по служанкам у озера, и в

следующее мгновение он опустил голову, пытаясь забрать пирог из рук Мин Яня.

В конце концов пирог действительно попал ему в рот, но алые губы оказались в зубах Мин Яня.

Е Цзинжун мгновенно встревожился, его кроткие глаза широко распахнулись, боясь, что служанки увидят это. Он яростно пытался вырваться.

Но сила, с которой Мин Янь удерживал губы, хотя и не причиняла боли, определенно не давала ему убежать.

— Ваше… Ваше Высочество, отпустите Цзинжуна, это… это неприлично!

Уши Е Цзинжуна покраснели до корней, он тихо умолял. Он никогда еще не видел так близко это лицо, высеченное словно из камня, и боялся даже пошевелиться глазами.

Мин Яню было всё равно, что неприлично. Его супруг был слишком начитан и скован жесткими правилами. Как муж, он не мог оставить это без внимания и решил лично дать ему надлежащий урок.

Одной рукой он прижал голову Е Цзинжуна, другой силой развернул его ногу, заставив Е Цзинжуна сесть лицом к лицу, верхом на колени. Поза стала еще более неприличной!

Для Е Цзинжуна такая поза была позой, которую женщины из домов веселья принимали, чтобы угодить клиентам. А он был сыном благородной семьи, знающим честь и стыд. Как мог князь…

Многие служанки уже не могли удержать глаз и бросали украдчивые взгляды на павильон. Лицо Е Цзинжуна горело огнем, и он яростнее пытался вырваться.

— Ваше Высочество… Ваше Высочество, отпустите Цзинжуна, эта поза неприлична, это… это для тех, кто…

Но его сбивчивая речь была прервана смехом Мин Яня.

Острые глаза светились холодным блеском, безжалостно проникая в глаза Е Цзинжуна. Мин Янь улыбался, в голосе слышалась легкая насмешка:

— Цзинжун только что учил меня? Разве поза определяет, кто ты? Твои слова слишком узки!

Услышав это, Е Цзинжун не нашелся, что ответить. Этот человек, сражавшийся на четырех сторонах света, почему в частной жизни был таким гладким говоруном? Он даже использовал слова Е Цзинжуна против него!

— Что, Цзинжун, нечего сказать?

Увидев смущение Е Цзинжуна, Мин Янь еще больше обрадовался и, усилием рук, крепче обнял его за тонкую талию.

Е Цзинжун был слишком застенчив, а после того как Мин Янь стал над ним подшучивать, лицо его пылало. Он приоткрыл тонкие губы, но не смог выдавить ни слова возражения.

Мин Янь усмехнулся, в его глазах появилась всё более зловещая улыбка. Воспользовавшись моментом, когда Е Цзинжун был в замешательстве, он быстро наклонился и нежно поцеловал его изысканные брови, высокий нос и алые губы.

Когда Е Цзинжун опомнился, выгоду уже успели извлечь. Глядя на расхохотавшегося человека перед ним, Е Цзинжун покраснел как кровь и от злости стиснул зубы.

Ему так хотелось пнуть Мин Яня ногой на улицу, чтобы все прохожие, старики и дети, могли хорошенько рассмотреть их непобедимого генерала, которого нельзя было осквернять, и увидеть, что на самом деле он просто наглый хулиган.

Увидев, как Е Цзинжун поджал губы от досады, Мин Янь понял, что, вероятно, перегнул палку и разозлил его.

Он ласково улыбнулся, мягко прижал голову Е Цзинжуна к своей широкой и горячей груди.

Подняв руку, он поправил плащ на плечах Е Цзинжуна, надежно укутав его, и так обнял, смакуя этот момент мира и тишины.

Большая рука снова и снова нежно гладила черные волосы Е Цзинжуна, и из глубины горла Мин Янь вырвался довольный вздох. Он никогда еще не чувствовал такого удовлетворения.

Говорят, что «женская нежность — могила героя». Теперь Мин Янь понял, что это правда.

Он думал, что если бы мог всегда держать в объятиях это нежное тело, то ради Е Цзинжуна он бы перевернул Поднебесную и отказался от власти.

Ухо Е Цзинжуна было плотно прижато к груди Мин Яня, и он тихо слушал сильное сердцебиение этого человека. Длинные ресницы дрожали: он так хотел, чтобы время остановилось в этот миг.

В кротких глазах бушевали эмоции, настолько сложные, что, пожалуй, сам Е Цзинжун не мог бы их прочитать. Насколько он привязан к этому человеку? Почему так привязан? Он сам не мог разобраться.

Но к счастью, самые горькие и трудные дни остались позади. Если этот человек хоть раз посмотрит на него, у Е Цзинжуна будет уверенность, что в глазах князя больше не будет места для других и он не потерпит никого вокруг.

— Ваше Высочество, слуги носят мебель взад-вперед в Павильоне Жунцзюнь. В чем дело?

Е Цзинжун слегка опустил глаза и тихо спросил.

Услышав это, Мин Янь смущенно потер нос и неловко ответил:

— Никакой тайны, я уже говорил, что хочу перестроить Павильон Жунцзюнь. Просто старый павильон… был слишком женским. Я боялся, что тебе не понравится!

http://bllate.org/book/16632/1523513